

Джозел Харрингтон

Праведный палач

Жизнь, смерть,
честь и позор в XVI веке

Джоэл Харрингтон

Праведный палач

«Альпина Диджитал»

2013

Харрингтон Д.

Праведный палач / Д. Харрингтон — «Альпина Диджитал», 2013

ISBN 978-5-0013-9256-9

Однажды профессор истории Университета Вандербильда Джоэл Харрингтон на пыльных полках букинистического магазина в Германии обнаружил дневники Мейстера Франца Шмидта, написанные в XVI веке в городе Нюрнберге. В течение 45 лет господин Шмидт убил и искалечил сотни людей. Он работал палачом. Уникальный исторический документ не должен был просто пропасть. Так родилась эта книга о глубоко религиозном человеке, мечтавшем о медицинской практике, прекрасном семьянине и настоящем серийном убийце по профессии. Эта книга серьезно выделяется из целого ряда работ по Средним векам, обрушившегося на нас в последние пару лет. Здесь не просто интереснейшая история своего времени, но и очень современные вопросы – нравственность применения смертной казни, человеческая жестокость и возмездие. Искренние и подробные дневники палача отражают мучительные попытки Франца Шмидта примирить ремесло с верой, рассказывают о понимании справедливости, наказания и человечности в XVI веке и параллельно показывают, как недалеко ушли от Средневековья наши представления.

ISBN 978-5-0013-9256-9

© Харрингтон Д., 2013

© Альпина Диджитал, 2013

Содержание

Пролог	9
Примечания о принципах оформления	19
1	20
Опасный мир	22
Позор отца	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джоэл Харрингтон

Праведный палач: жизнь, смерть, честь и позор в XVI веке

Переводчик *Тимофей Раков*
Редактор *Михаил Белоголовский*
Научный редактор *Анастасия Ануфриева*
Руководитель проекта *А. Казакова*
Дизайн обложки *А. Бондаренко*
Корректоры *И. Астапкина, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© 2013 by Joel F. Harrington

© 2013 by Gene Thorp, Maps copyright

Published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux, New York

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

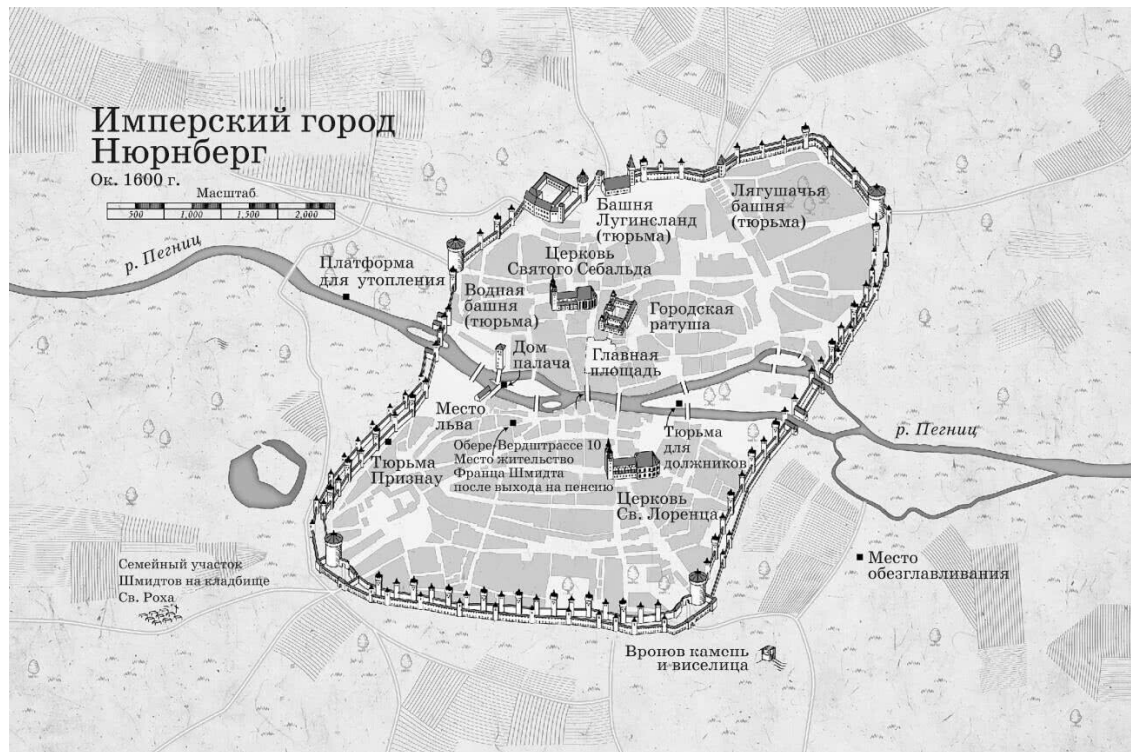
Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Фронτισпис: Альбрехт Дюрер. «Святая Екатерина Александрийская и палач» (1517 год). Обратите внимание, что палач крепко удерживает святую, стоящую на коленях, прежде чем нанести удар

* * *

Моему отцу, Джону Харрингтону-мл.

Пролог

Каждый успешный человек достоин уважения.
ЮЛИЙ КРАУТЦ, БЕРЛИНСКИЙ ПАЛАЧ (1889 Г.)¹

Солнце едва взошло над горизонтом, когда горожане уже начали собираться прохладным утром четверга 13 ноября 1617 года. Имперский город Нюрнберг, известный на всю Европу как цитадель закона и порядка, готовился к очередной публичной казни, и зрители из разных слоев общества спешили занять хорошие места до начала действия. Торговцы уже выставили свои лотки с нюрнбергскими колбасками, квашеной капустой и соленой сельдью, расположившись вдоль всего маршрута шествия на казнь, от ратуши до виселицы прямо за городскими воротами. В толпе звенели бутылками разносчики вина и пива, среди которых были и совсем дети. Примерно к десяти утра собралось несколько тысяч горожан, и дюжине или около того городских стражников, известных в народе как стрелки, уже с трудом удавалось поддерживать порядок. Пьяная молодежь толкалась и горячилась, распевая непристойные куплеты. Острый запах мочи и рвоты смешивался с ароматом жареных сосисок и каштанов.

Слухи о приговоренном преступнике, которого все называли «бедным грешником», разлетались в толпе моментально. Его имя Георг Карл Ламбрехт, 30 лет, уроженец деревни Майнбернхайм во Франконии. Хотя много лет он учился у мельника и даже успел поработать им, в последнее время бедолага занимался куда менее престижным делом – торговал вином вразнос. Все знали, что его приговорили к смерти за подделку большой партии золотых и серебряных монет вместе с братом и другими негодяями, которым удалось удачно скрыться. Но куда более интриговало зрителей то, что преступник был сведущ в магии, что он развелся с первой женой из-за измен и «таскался по округе» с ведьмой по кличке Железная Плутовка, имевшей дурную славу. Многие свидетели показали, что однажды Ламбрехт подбросил в воздух черную курицу и прокричал: «Узри же, диавол, вот твое лакомство, а мне отдай мое!», чем наслал смертельное проклятие на одного из своих врагов. Поговаривали, что его покойная мать тоже была ведьмой, а отца много лет назад казнили за воровство, и это наглядно подтверждали слова тюремного капеллана про яблочко, упавшее недалеко от яблони.

Незадолго до полудня начали торжественно звонить колокола расположенной неподалеку церкви Св. Зебальда, к которым тут же присоединились колокола церкви Девы Марии на рыночной площади, а следом и церкви Св. Лаврентия на другой стороне реки Пегниц. Через несколько минут из боковой двери величественной городской ратуши вывели «бедного грешника» – его лодыжки были скованы, а запястья связаны крепкой веревкой. Иоганн Хагендорн, один из двух священников уголовного суда, позднее записал в своем дневнике, что в этот момент Ламбрехт повернулся к нему и с жаром стал молить об отпущении своих бесчисленных грехов. Он также предпринял последнюю бесплодную попытку испросить замены полагавшегося фальшивомонетчику сожжения заживо на обезглавливание мечом, смерть более быструю и почетную. Его просьбу отклонили, и на прилегающую рыночную площадь Ламбрехта препроводил старый городской палач Франц Шмидт. Оттуда процессия городских сановников неспешно двинулась к месту казни в миле от площади. Торжественный кортеж возглавлял «кровавый судья» в красно-черном убранстве и верхом. За ним шли своим ходом приговоренный с двумя капелланами и палач. Как и всех представителей этого ремесла, горожане называли его почтительно – Майстер Франц. Следом двинулись одетые в черное представители городского совета Нюрнберга, отпрыски богатейших семейств города, а также главы местных ремесленных гильдий – в знак того, что казнь воистину есть дело всех граждан. По мере того

---

¹ Heinrich Sochaczewsky, *Der Scharfrichter von Berlin* (Berlin: A. Weichert, 1889), 297.

как шествие протискивалось сквозь толпу, рыдающий Ламбрехт благословлял всех, кого узнавал, прося у них прощения. Выйдя за грозные стены города через южные ворота Фрауэнтор, процессия достигла своей цели – одиноко стоящего возвышения, прозванного людьми Вороновым Камнем из-за птиц, слетавшихся пировать на тела, оставленные гнить после казней. «Бедный грешник» вместе со своим палачом преодолел каменные ступени и обернулся, чтобы обратиться к толпе, но взгляд его невольно задержался на стоящей по соседству виселице. В последний раз он исповедался перед согражданами, взмолился о Божественном прощении, затем упал на колени и стал читать молитву Господню, пока капеллан бормотал ему в ухо слова утешения.

Когда священник закончил, Майстер Франц усадил Ламбрехта на «трон правосудия» и повесил ему на шею тонкий шелковый шнур, чтобы можно было незаметно задушить приговоренного до того, как тот будет сожжен – последний акт милосердия от палача. Потом он крепко обвязал подсудимого цепью вокруг груди, повесил ему на шею мешочек с порохом а между руками и ногами Ламбрехта поместил венки, покрытые смолой. Все для того, чтобы тело сгорело быстрее. Пока Майстер Франц раскладывал несколько бушелей соломы вокруг своей жертвы, фиксируя их колышками, капеллан продолжал молиться вместе с «бедным грешником». Затем палач бросил факел у ног Ламбрехта, но прямо перед этим его помощник тайком затянул шнур вокруг шеи осужденного, предположительно задушив его. Однако, когда огонь добрался до «трона», стало ясно, что ничего не вышло, и жуткий крик огласил окрестности: «Господи, в руки Твои я вверяю душу мою!» Когда огонь разгорелся, из пламени донесся последний вопль: «Господи Иисусе, прими мою душу!», после чего все поглотил треск огня, а воздух наполнил запах горелой плоти. Позже в тот же день капеллан Хагендорн, укрепившись в сочувствии к казненному после его благочестивого раскаяния в конце земного пути, признался своему дневнику: «Я не сомневаюсь, что он пережил эту страшную и презренную смерть ради жизни вечной, уже став ее дитя и наследником»².

Один изгой уходит из этой жизни, другой остается, сменяя обугленные кости и пепел своей жертвы. Профессиональных убийц, таких как Франц Шмидт, издавна боялись, презирают и даже жалеют, но мало кто считает их настоящими личностями, способными – или достойными – быть интересными для потомков. Однако о чем думает этот 63-летний палач-ветеран, когда чистит камень, где еще недавно последние стоны осужденного, полные отчаяния и благочестия, пронзали густой дым? Разумеется, нет никаких сомнений в виновности Ламбрехта, которую тот сам помог установить в ходе двух долгих допросов, а также подтвержденной показаниями нескольких свидетелей, не говоря уже о фальшивках и других неопровержимых уликах, найденных в его жилище. Может быть, Майстер Франц размышляет и сожалеет о неудачном удушении, которое стало причиной такой неприятной сцены? Задело ли это его профессиональную гордость, сказалось ли на его репутации? Или он просто стал бесчувственным, полвека занимаясь делом, которое любой другой счел бы омерзительным?³

Обычно такие вопросы способны вызвать лишь умозрительные предположения, игру в догадки без шансов найти ответ. Но в случае с Майстером Францем Шмидтом из Нюрнберга у нас есть редкое и явное преимущество. Как и его коллега-капеллан, Майстер Франц вел личный журнал казней и других уголовных наказаний, которые он проводил на протяжении своей исключительно долгой карьеры. Этот поразительный документ охватывает 45 лет, начиная с первой казни, совершенной Шмидтом в возрасте 19 лет в 1573 году и заканчивая его уходом на пенсию в 1618 году. Как оказалось, жуткое убийство кающегося фальшивомонетчика ста-

² *JHJ* Nov 13 1617; see also Theodor Hampe, "Die letzte Amstverrichtung des Nürnberger Scharfrichters Franz Schmidt," in *MVG* 26 (1926), 321ff.

³ Историки XX века, изучавшие палачей раннего Нового времени, характеризовали их как социопатов, или бесчувственных к своим собратьям – жертвам общества. Nowosadtko, 352.

нет его последней казнь, кульминацией всей карьеры, в ходе которой, по его собственным подсчетам, он лично лишил жизни 394 человека и высек, или изуродовал, еще сотни.

Так что же происходило в голове Майстера Франца? Удивительно, но, хотя его дневник хорошо известен историкам Германии раннего Нового времени (ок. 1500–1800 гг.), очень немногие читатели сего документа, если таковые вообще имелись, пробовали ответить на этот вопрос. По меньшей мере пять рукописных копий утерянного оригинала ходили по рукам в течение почти двух веков после смерти его автора, причем печатные версии появились в 1801 и 1913 годах. Сокращенный английский перевод издания 1913 года был опубликован в 1928 году, за ним последовали простые факсимиле двух немецких изданий, выпущенных мелкими тиражами⁴.

Моя первая встреча с дневником Майстера Франца произошла несколько лет назад в краеведческом отделе книжного магазина в Нюрнберге. Хотя это и не так драматично, как, скажем, обнаружение давно утерянной рукописи в запечатанном хранилище, которое открывается лишь после того, как вы решите серию древних загадок, тем не менее это был момент озарения. Сама мысль о том, что профессиональный палач, живший четыре века назад, мог быть вполне грамотным, не говоря уже о том, чтобы оказаться каким-то образом мотивированным записывать в таком виде свои мысли и поступки, поразила меня глубиной открывшейся перспективы. Как могло случиться, что никто до сих пор не использовал всерьез этот удивительный источник для восстановления картины жизни его автора и мира, в котором он жил? В моих руках была потрясающая история, затерянная на задних полках среди антикварных диковинок, и она настойчиво просила, чтобы ее рассказали.

Я купил тонкий том, принес его домой и еще перед тем, как прочесть, сделал несколько важных открытий. Во-первых, Франц Шмидт никоим образом не был уникален среди палачей в стремлении вести хронику своей жизни, хотя он и остается непревзойденным для своей эпохи как по охвату времени, так и по деталям, воспроизведенным в записях. В то время как большинство немецких мужчин той поры оставались неграмотными, некоторые палачи, современники Майстера Франца, умели писать достаточно хорошо, чтобы сохранить простые, формальные списки казней, ряд которых дошел и до наших дней⁵. К началу нашей эпохи мемуары палача стали популярным жанром. Наиболее известными из них являются хроники семьи Сансонов, династии палачей, господствовавшей в Париже с середины XVII до середины XIX веков. Последующая отмена смертной казни в Европе вызвала целую волну мемуаров «последних из палачей», публикация которых увенчалась несколькими бестселлерами⁶.

Тем более столь длительное забвение этой интереснейшей фигуры казалось необъяснимым, пока я внимательно не изучил дневник и не сделал еще одно открытие, объяснявшее загадочный факт. Хотя Майстер Франц, бесспорно, мастерски живописует портреты разнооб-

⁴ *Meister Frantz Nachrichten alhier in Nürnberg, all sein Richten am Leben, so wohl seine Leibs Straffen, so Er ver Richt, alleß hierin Ordentlich beschrieben, aus seinem selbst eigenen Buch abschrieben worden*, ed. J. M. F. v. Endtner (Nuremberg: J. L. S. Lechner, 1801), переиздано: (Dortmund: Harenberg, 1980) с комментариями Юргена К. Якобса и Хайнца Реллеке. *Maister Frantz Schmidts Nachrichten inn Nürnberg all sein Richten*, ed. Albrecht Keller (Leipzig: Heims, 1913), переиздано: (Neustadt a. D. Aisch, Ph. C. W. Schmidt, 1979) с предисловием Вольфганга Лейсера. Английским переводом последнего было издание: *A Hangman's Diary, Being the Journal of Master Franz Schmidt, Public Executioner of Nuremberg, 1573–1617*, переведенное К. В. Калвертом и А. В. Грунером (New York: D. Appleton, 1928), переиздано: (Montclair, NJ: Patterson Smith, 1973).

⁵ См., напр., «дневники» палача из Ансбаха за 1575–1603 годы. (*StaatsAN Rep 132, Nr. 57*), из Ройтлингена за 1563–1568 годы (*Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte*, I (1878), 85–86); Андреас Тинель из Олау около 1600 года (приводится у Келлера, 257); Якоб Штайнмайер из Хайгерлоха, 1764–1781 гг. (*Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte*, IV (1881), 159ff.); Франц Йозеф Вольмут из Зальцбурга (*Das Salzburger Scharfrichtertagebuch*, ed. Peter Putzer (Vienna: Österreichischer Kunst- und Kulturverlag, 1985); Иоганн Христиан Циппель из Штаде (Gisela Wilbertz, "Das Notizbuch des Scharfrichters Johann Christian Zippel in Stade (1766–1782)," in *Stader Jahrbuch NF* (1975), Heft 65, 59–78); обзор дневниковых записей палачей раннего Нового времени см.: Keller, 248–260.

⁶ Самое большее каждый третий немецкий мужчина был в той или иной степени грамотным. Hans Jörg Künast, "Getruckt zu Augspurg:" *Buchdruck und Buchhandel in Augsburg zwischen 1468 und 1555* (Tübingen: Max Niemeyer, 1997), 11–13; R. A. Houston, *Literacy in Early Modern Europe: Culture and Education, 1500 – 1800* (Harlow: Pearson Education, 2002), 125ff.

разных преступников, с которыми ему довелось работать, самого себя он постоянно держит на заднем плане, оставаясь затененным и молчаливым наблюдателем, несмотря на свою ключевую роль в большинстве описываемых событий. В этом отношении документ читается не столько как дневник в современном понимании этого слова, а, скорее, как хроника профессиональной жизни. Его 621 запись, каждая длиной от нескольких строк до нескольких страниц, действительно идут в хронологическом порядке, но в форме двух списков, первый из которых перечисляет все смертные приговоры, приведенные Майстером Францем в исполнение с 1573 года, а второй охватывает все телесные наказания, которые он произвел начиная с 1578 года – порки, клеймения, рубки пальцев, ушей, языков. Каждая запись содержит имя, профессию и родной город приговоренного, а также рассмотренные судом преступления, вид наказания и место, где оно было исполнено. Со временем Майстер Франц начал добавлять информацию справочного характера о виновных и их жертвах, более подробно описывать преступления и былые провинности, а также последние часы и моменты перед казнью. Несколько десятков наиболее длинных записей предоставляют нам еще больше сведений о преступниках и даже воссоздают ключевые сцены с красочными описаниями, а иногда и с фрагментами диалогов.

Многие историки вообще не считают записи Шмидта эго-документом, – то есть источником информации, таким как дневник или личная переписка, – который можно использовать в качестве свидетельства мыслей, чувств и внутренней борьбы человека. В них нет упоминаний о нравственных кризисах, вызванных длительными пытками, нет пространственных философских размышлений о справедливости, отсутствуют любые, даже краткие, суждения о смысле жизни. В дневнике вообще поразительно мало упоминаний о самом себе. За 45 лет работы Шмидт употребляет слова «я» и «мой» всего по 15 раз каждое, а слово «мне» – и того один раз. При этом в большинстве случаев речь идет о профессиональных вехах (например, «*моя первая казнь мечом*») без выражения мнения или эмоций, а в остальных местах слова использованы как произвольные вставки (например, «*я выгнал ее из города три года назад*»)⁷. Примечательно, что «*мой отец*» и «*мой зять*», оба его коллеги, появляются лишь три раза в профессиональном контексте. В дневнике вообще не упоминаются ни жена Шмидта, ни семеро его детей, ни многочисленные знакомые, что неудивительно, учитывая направленность документа. Но также в нем нет ни слова о кровном родстве или иной близости с жертвами, многие из которых были лично знакомы палачу, включая его второго зятя, печально известного разбойника⁸. Он не делает никаких явных религиозных заявлений и в целом редко использует язык нравучений. Как мог такой старательно обезличенный документ дать хоть какое-нибудь понимание жизни и мыслей его автора? Я решил, что главной причиной, по которой никто еще не использовал журнал Майстера Франца в качестве биографического ресурса, служит тот факт, что в нем не хватает самого Майстера Франца⁹.

Мой проект тоже был бы обречен на провал, если бы не два важных открытия. Первое случилось через несколько лет после моего знакомства с Майстером Францем, когда я обнаружил в городской библиотеке Нюрнберга более старую и точную рукописную копию дневника, чем любая из использованных ранее. В то время как редакторы двух предыдущих опубликованных изданий работали с копиями конца XVII века, обе из которых были переработаны переписчиками эпохи барокко для большей читаемости, этот биографический портрет опирается

⁷ Самыми известными были воспоминания Сансонов, династии палачей из Парижа, собранных Анри Сансоном в *Sept Générations d'Exécuteurs*, 1688–1847, 6 vols. (Paris: Décembre-Alonnier, 1862–63); translated and published in an abbreviated English version by Chatto & Windus in 1876. For British examples of the genre, see John Evelyn, *Diary of John Evelyn* (Bickers and Bush, 1879); and Stewart P. Evans, *Executioner: The Chronicles of James Berry, Victorian Hangman* (Stroud: Sutton, 2004).

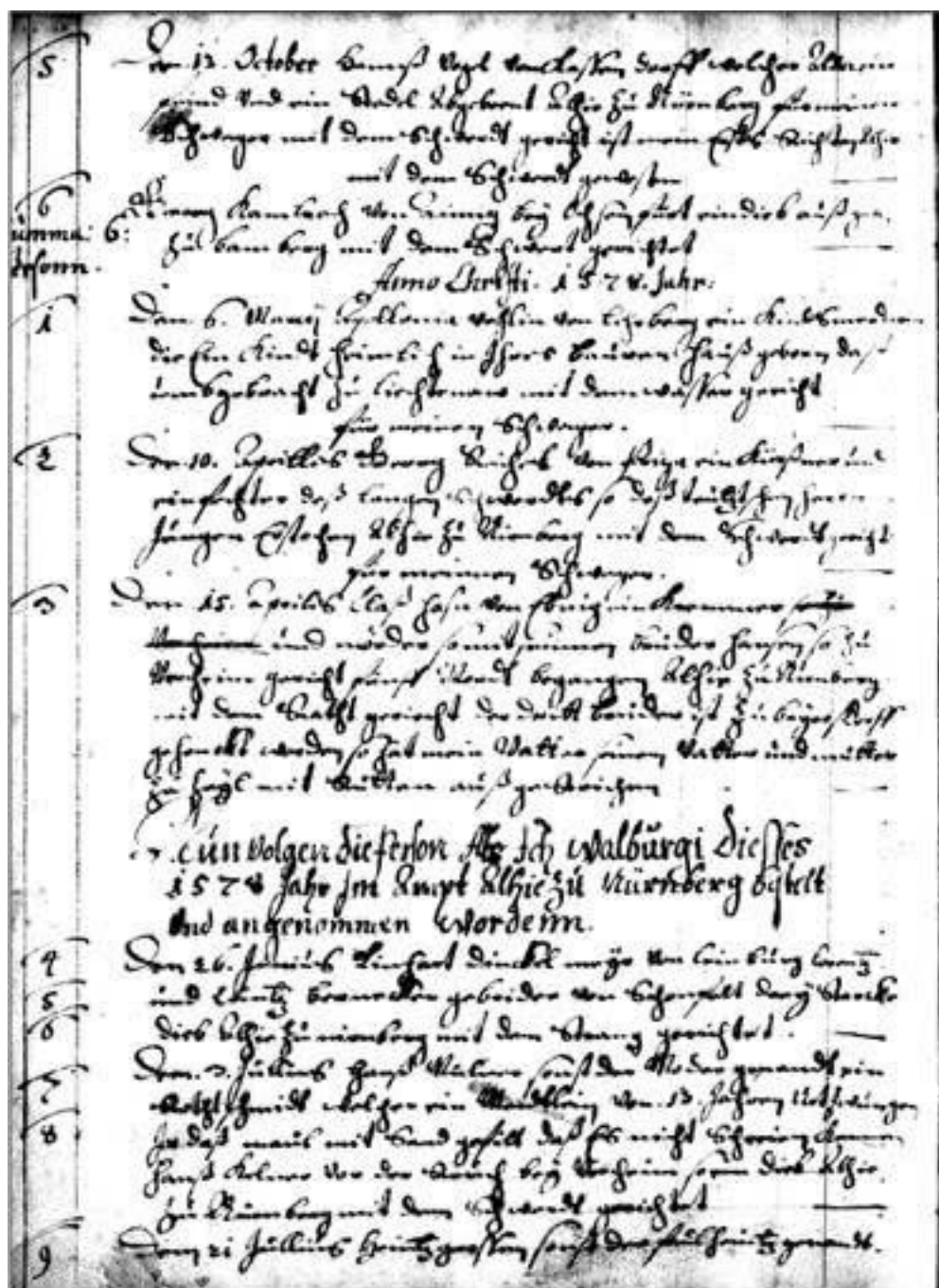
⁸ В дополнение про начало и конец дневника, а также про начало пребывания Шмидта в Нюрнберге: 1573 (2x); 1576 (3x); 1577 (2x); Mar 6 1578; Apr 10 1578; Jul 21 1578; Mar 19 1579; Jan 26 1580; Feb 20 1583; Oct 16 1584; Aug 4 1586; Jul 4 1588; Apr 19 1591; Mar 11 1598; Sep 14 1602; Jun 7 1603; Mar 4 1606; Dec 23 1606.

⁹ Фридрих Вернер, казненный 11 февраля 1585 года. Единственное исключение – мимолетная ссылка «на моего родственника Ганса Шписса», которого Лев выгоняет из города с помощью розог за пособничество побегу убийцы; *FSJ* Jun 7 1603.

на копию 1634 года – года смерти самого Шмидта¹⁰. Некоторые изменения, внесенные в более поздние версии, несущественны и касаются написания отдельных слов, нумерации записей, упрощающей систему сносок, небольших расхождений в датах, синтаксических улучшений и добавленной пунктуации. (В версии 1634 года пунктуации просто нет, и вполне вероятно, что Шмидт, как и большинство авторов его уровня образованности, в оригинале не использовал ее вовсе.) Однако многие расхождения оказались значительными. В некоторых версиях опущены целые предложения, зато добавлены нравоучительные строки, а также разные детали, взятые из городских хроник Нюрнберга и материалов дел. Эти более поздние версии-подделки сделали дневник привлекательнее для буржуазии Нюрнберга XVIII века, среди которой его ограниченный тираж распространялся в частном порядке. Но в то же время они лишили дневник особого голоса Майстера Франца и, следовательно, присутствия его личности. В частности, последние пять лет дневника в более поздних изданиях радикально расходятся с версией 1634 года, оставляя нетронутыми лишь несколько записей, опуская имена большинства преступников, а также подробности их преступлений. В целом как минимум четверть старого текста в той или иной степени отличается от более поздних версий.

---

¹⁰ Келлер заключает, что «он так никогда и не преуспел в упорядочивании своих мыслей» (252).

Страница копии дневника Франца Шмидта 1634 года, самой старой из сохранившихся версий, которая находится в Городской библиотеке Нюрнберга. Нумерация казней в левом поле, вероятно, была добавлена переписчиком

Наиболее интересное и важное отличие проявляется в самом начале дневника. В изданиях 1801 и 1913 годов Франц предваряет текст сообщением, что он «начат для моего отца в Бамберге в 1573 году». В версии, использованной для этой книги, молодой палач вместо этого пишет: «Год от Рождества Христова 1573-й: далее перечислены люди, коих я казнил для своего отца Генриха Шмидта в Бамберге». Различие, на первый взгляд едва заметное, в действительности проливает свет на самый труднодостижимый вопрос, касающийся всего дневника: зачем Франц Шмидт вообще его вел? Формулировка в более поздних копиях предполагает скорее отцовское повеление, чем посвящение ему; создается впечатление, будто старший Шмидт требует, чтобы его сын-подмастерье начинал создавать нечто вроде профессионального

резюме для потенциальных работодателей. Но ранняя версия дневника указывает, что Франц имеет в виду пять лет казней, которые он совершал под началом отца, а вовсе не записи в журнале. Далее в тексте этой версии сообщается, что дневник был создан не в 1573 году, а в 1578 году, когда Шмидта назначили в Нюрнберг. Оглядываясь назад, 24-летний Франц может припомнить только казни за предыдущие пять лет и опускает все исполненные им телесные наказания, заявляя: *«Я более не помню, каких людей я наказывал так в Бамберге»*.

Это открытие сразу же вызвало несколько новых вопросов, в частности: если Франц Шмидт начал писать не для своего отца в 1573 году, то для кого он на самом деле это делал и почему? Весьма сомнительно, чтобы дневник предназначался для последующей публикации, особенно учитывая схематичность большинства записей за первые 20 лет. Возможно, автор предполагал, что в итоге текст может быть распространен в рукописных копиях – как это и случилось на самом деле, – но опять же казни ранних лет описаны куда менее подробно (и увлекательно), чем в иных сопоставимых городских хрониках, и в целом читаются скорее как бухгалтерская книга, а не как литературный текст. Возможно, дневник никогда не был предназначен для кого-либо, кроме самого автора, но тогда возникают вопросы: почему он его начал, как это связано с назначением в качестве постоянного палача Нюрнберга в 1578 году, а также почему он старательно избегал в нем проявлений своей личности?

Вторым ключом, открывающим тайну дневника Франца Шмидта, стал трогательный документ последних лет его жизни, который сейчас хранится в Австрийском государственном архиве в Вене. Отдав всю свою жизнь профессии, которая повсеместно презиралась и даже официально называлась «постыдной», 70-летний палач в отставке обратился к самому императору Фердинанду II с просьбой восстановить доброе имя его семьи. Прощение четко сформулировано и составлено профессиональным нотариусом, но проступающие в тексте чувства носят очень личный характер, порой на удивление интимный. Пожилой Франц рассказывает историю о том, как его семья была несправедливо втянута в эту постыдную профессию, а также о своей решимости на протяжении всей жизни избежать той же участи для собственных сыновей. Документ на 13 страницах включает имена выдающихся граждан, излеченных Шмидтом, который практиковал как знахарь и целитель – чрезвычайно распространенное занятие среди палачей, – а также приводит слова восторженного одобрения членов городского совета Нюрнберга, бывших его работодателями в течение четырех десятилетий. В прошении они утверждали, что долгое служение Шмидта городу и его личная честность были «образцовыми», и призывали императора восстановить честь семьи.

Возможно ли, что сам городской совет был целевой аудиторией дневника с самого начала, что восстановление чести было руководящим мотивом Шмидта? Если так, то он, вероятно, был первым, но едва ли последним немецким палачом, использовавшим такую стратегию¹¹. Перечитывая записи Майстера Франца сквозь призму этого основополагающего мотива, я вдруг увидел, как мыслящий и чувствующий автор постепенно проступает в, казалось бы, обезличенном свидетельстве. Стали заметны повторяющиеся тематические и языковые паттерны; противоречивость и переменчивость стиля оказывались все более значимыми; развивающиеся представления о своей идентичности проявлялись все отчетливее. Это был автор, незаинтересованный в самораскрытии и все же непреднамеренно раскрывавший свое мышление и чувства практически в каждой записи. Сама субъективность, которую поздние переписчики

¹¹ Версия фон Эндтера 1801 года основывается на манускрипте XVIII века из Государственного архива Ансбаха: Rep 25: S II. L 25, no. 12. Версия, изданная Альбрехтом Келлером в 1913 году, основывается в основном на копии конца XVII века из GNM Bibliothek 2° HS Merkel 32. Мой собственный опубликованный перевод дневника Франца Шмидта (Harrington J. F. *The Executioner's Journal: Meister Frantz Schmidt of the Imperial City of Nuremberg* (Studies in Early Modern German History). Charlottesville: University of Virginia Press, 2016. P. 171.), основан на копии 1634 года из Stadtchronik Ганса Ригеля в StadtBN, 652 2°. Видимо, еще множество копий и фрагментов было создано в конце XVII и в XVIII веке, из которых как минимум две сохранились в Государственной библиотеке Бамберга (SH MSC Hist. 70 and MSC Hist. 83) и две в GNM (Bibliothek 4° HS 187 514; Archiv, Rst Nürnberg, Gerichtswesen Nr. VI/3).

невольно вычеркнули, дала возможность раскрыть авторские антипатии, страхи, предрассудки и идеалы. Проявились четкие границы понятий жестокости, справедливости, долга, чести и личной ответственности, которые сложились на материале всего дневника в общую картину, давая целостное представление о мировоззрении его автора. В документе отразились нравственные идеалы, а сама его композиция стала свидетельством упорной, длившейся всю жизнь борьбы автора за восстановление чести.

Цельная личность, проступающая в процессе чтения этого текста, дополненного обширными архивными источниками, далека от стереотипа о бесчувственном изверге, созданного беллетристикой. Вместо этого мы сталкиваемся с набожным, скромным семьянином, отвергнутым тем не менее респектабельным обществом, которому он служит, вынужденным проводить большую часть своего времени с осужденными преступниками и жестокими охранниками, которые ему помогают¹². Несмотря на то что много лет палач, по сути, был изолирован от социума, парадоксальным образом он демонстрирует высокий уровень социального интеллекта, который одновременно сделал возможными его выдающиеся профессиональные успехи и свел на нет клеймо, поставленное на нем обществом. Благодаря широкому хронологическому охвату дневника мы являемся свидетелями литературной и философской эволюции малообразованного самоучки, чьи записи развиваются от лаконичных отчетов до настоящих новелл, и в процессе чтения перед нами все больше раскрывается врожденное любопытство их автора – особенно в вопросах медицины, – а также его представления о нравственности. Несмотря на постоянное воздействие всей гаммы человеческой жестокости и на ужасающее насилие, которое регулярно применял он сам, этот несомненно искренний и религиозный человек, кажется, никогда не колеблется в своей вере в окончательное прощение и искупление для тех, кто его ищет. Прежде всего мы видим профессиональную и личную жизнь человека, одновременно испытывающего горечь в отношении прошлых и настоящих несправедливостей и в то же время питающего несокрушимую надежду на будущее.

Книга, которая появилась в результате этих изысканий, содержит две переплетающиеся истории. Первая – это история человека по имени Франц Шмидт. Начиная с рождения в семье палача в 1554 году, мы проходим с ним через ученичество у отца вплоть до первых поездок в качестве палача-подмастерья. Далее, перемещаясь по его собственному тексту (всегда обозначаемому здесь курсивом) и воссоздавая окружающий исторический мир, мы знакомимся с необходимыми профессиональному палачу навыками, непростым социальным статусом и первыми опытами саморазвития. По мере взросления Франца мы получаем представление о правовых и социальных структурах Нюрнберга раннего Нового времени, о неустанных попытках палача средних лет продвигаться в социальном и профессиональном плане и о принятых им концепциях справедливости, порядка и респектабельности. Мы знакомимся с его молодой женой, а впоследствии и растущей семьей, с разномастным кругом преступников и блюстителей закона. Наконец, мы становимся свидетелями того, как на склоне лет в нем расцветают две доминирующие идентичности – моралиста и целителя. Этот процесс исторического погружения приоткрывает нам внутренний мир профессионального мучителя и убийцы. Достижения его последних лет отравлены горечью разочарований и личной трагедии, но несгибаемое стремление к чести само по себе остается предметом удивления и даже восхищения.

Однако в основе этой книги лежит другое повествование – размышление о человеческой природе и общественном прогрессе, если таковой вообще существует. Какие принципы и соображения сделали судебное насилие – пытки и публичные казни, которые регулярно проводил Майстер Франц, – приемлемым для него и его современников, но в то же время отвратительным для нас, в наше время? Как и почему такие ментальные и социальные структуры овла-

¹² Этот мотив предполагается как Келлером (*Maister Franntzn Schmidts Nachrichters*, Introduction, x – xi), так и Новосадко ("Und nun alter Franz," 236), но ни один из них не прослеживает то, как он связан с подоплекой жизни автора.

девают нами и как они меняются? Конечно, европейцы раннего Нового времени не обладали монополией ни на человеческое насилие или жестокость, ни на индивидуальное или коллективное возмездие. Если судить по показателям убийств, мир Франца Шмидта был менее кровавым, чем мир его средневековых предшественников, но более жестоким, чем, скажем, современные США (немалое достижение)¹³. С другой стороны, что касается насилия со стороны государства, то смертная казнь и частые военные грабежи всех домодерных обществ меркнут по сравнению с мировыми войнами, политическими чистками и геноцидами XX века. Продолжающаяся во многих регионах мира практика судебных пыток и публичных казней подчеркивает нашу неразрывную связь с «более примитивными» обществами прошлого, а также непрочность социальных преобразований, которые якобы отделяют нас от них. Действительно ли смертной казни суждено исчезнуть повсеместно или же стремление к возмездию слишком глубоко коренится в самой ткани нашего существа?

О чем думал Майстер Франц? Что бы мы о нем ни узнали, праведный палач из Нюрнберга всегда будет оставаться одновременно далекой и в то же время близкой для нас фигурой. Бывает сложно понять самого себя и хорошо знакомых людей – что уж говорить о профессиональном убийце из другого времени и чужой местности. Как и во всякой биографии, открытия его дневника и других исторических источников неизбежно оставляют многие вопросы без ответов. Знаменательно, что на единственном прижизненном изображении Шмидта, которое можно считать достоверным, непреклонный палач изображен отвернувшимся от нас. Но вместе с тем, прилагая усилия, чтобы лучше понять Франца Шмидта и его мир, мы достигаем такой степени самоузнавания и сочувствия, которая не смогла бы возникнуть даже от прямого общения с этим профессиональным мучителем и палачом. История Майстера Франца из Нюрнберга во многих отношениях является увлекательным путешествием в ту далекую эпоху, но также это история и нашего времени, нашего мира.

---

¹³ Данные о регистрации брака, рождения и смерти, хранящиеся в Региональном церковном архиве Нюрнберга, позволили мне восстановить сведения о происхождении Шмидта и его семейной жизни. Протоколы допросов и другие материалы уголовного суда, найденные главным образом в Государственном архиве Нюрнберга, позволили реконструировать широкий контекст его профессиональной деятельности. Постановления Нюрнбергского городского совета, известные как Ratsverläße, были наиболее универсальным источником, предоставляя широкий спектр уточняющей информации о том и о другом аспектах его жизни. Указы также помогли пролить свет и на совмещавшуюся с основным ремеслом работу в качестве знахаря, особенно в годы после его отставки с должности городского палача Нюрнберга, о чем лишь мимолетно упоминается в дневнике. Наконец, я многим обязан ценной биографической информации, собранной другими учеными, прежде всего Альбрехтом Келлером, Вольфгангом Лайзером, Юргеном К. Якобсом и Илзе Шуман.

Единственный достоверный портрет Франца Шмидта, который сохранился до наших дней, нарисован нюрнбергским нотариусом с художественными склонностями на полях свода смертных приговоров. Во время этого события, обезглавливания Ганса Фрешеля 18 мая 1591 года, Майстеру Францу было около 37 лет

Примечания о принципах оформления

Цитаты из Франца Шмидта

Все прямые цитаты из дневника Шмидта выделены курсивом и являются моими собственными переводами копии его дневника 1634 года и прошения 1624 года о восстановлении чести.

Имена

Правописание имен в начале Нового времени еще не было стандартизировано, и Майстер Франц, как и другие авторы, часто писал одни и те же имена по-разному, иногда в одном и том же отрывке. Я модернизировал названия городов и других мест, а также большинство имен. В фамилиях сохранена орфография раннего Нового времени, хотя и в стандартизованном виде во избежание путаницы. Я также сохранил женские фамилии в присущей тому времени форме, с характерным эпизодическим изменением гласной в предпоследнем слоге и обязательным добавлением суффикса «-ин» в конце. Например, жена Георга Видмана становится Маргаритой Видманин или Видменин, а жена Ганса Кригера – Магдалиной Кригерин или Кригин и так далее. Народные псевдонимы и прозвища были переведены с тогдашнего уличного сленга (известного как *rotwelsch*) с помощью их современных эквивалентов в американском английском, что, конечно, означает некоторую художественную вольность автора.

Валюта

В начале раннего Нового времени в немецких землях находилось в обращении много местных, общеимперских и иностранных монет, причем обменные курсы часто менялись. Для охвата и сравнения я указываю приблизительный эквивалент каждой суммы во флоринах (они же гульден) по наибольшему курсу. В этот период домашний слуга или городской стражник могли зарабатывать от 10 до 15 гульденов в год, школьный учитель – 60, а муниципальный юрист – 300 или 400 гульденов. Буханка хлеба стоила 4 пенса (0,03 флорина), литр вина – около 30 пенсов (0,25 флорина), а годовая аренда жилья в трущобах – в районе 6 флоринов. Примерные эквиваленты следующие: 1 гульден (флорин) = 0,85 талера = 4 «старых» фунта = 15 батценов = 20 шиллингов = 60 крейцеров = 120 пенсов = 240 геллеров¹⁴.

Даты

Григорианский календарь был введен в немецких католических землях в основном в период 1582–1584 годов, но не был принят в большинстве протестантских государств до 1 марта 1700 года или позже. Поэтому в рассматриваемый период имелось расхождение в 10 дней, а позднее – в 11 между протестантскими территориями, такими как Нюрнберг, и католическими государствами, такими как принц-епископство Бамберг (например, 13 июня 1634 года в Нюрнберге было 23 июня 1634 года в Бамберге). Современники при этом иногда писали: «13/23 июня 1634 года». Я использую календарь Нюрнберга на протяжении всей книги.

---

¹⁴ В качестве хорошего краткого обзора см. книгу: Julius R. Ruff, *Violence in Early Modern Europe, 1500–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).

1

Ученик

Отец, который не озаботился тем, чтобы с самых ранних лет дать сыну превосходное образование, не может именоваться человеком или имеющим отношение к человеческой природе.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ¹⁵

Ценность и достоинство человека заключены в его сердце и в его воле; именно здесь – основа его подлинной чести.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ. ОПЫТЫ. КН. 1, ГЛ. XXXI. О КАННИБАЛАХ¹⁶

Соседи в Бамберге уже привыкли к еженедельному ритуалу, который Майстер Генрих Шмидт проводил на заднем дворе своего дома, и потому спешили по своим делам, не проявляя к происходящему особого интереса. Большинство из них были в добрых отношениях со Шмидтом, новым палачом князя-епископа, но слегка опасались приглашать в гости его самого или членов его семьи. Франц, сын Генриха, который в этот майский день 1573 года оказался в центре отеческого внимания, производил впечатление учтивого и, если можно так выразиться об отпрыске палача, благовоспитанного 19-летнего молодого человека. Как и многие подростки того времени, он планировал следовать по стопам отца, ремесло которого начал осваивать еще в возрасте 11 или 12 лет. Детство и юность Франца прошли в его родном Хофе, небольшом провинциальном городке на северо-востоке нынешней Баварии, в 16 километрах от ее современной границы с Чехией. После переезда семьи в Бамберг восемь месяцев назад он уже побывал с отцом на нескольких казнях в городе и близлежащих деревнях, изучая секреты мастерства и помогая по мелочам. Когда он подрос и возмужал, его обязанности и навыки выросли вместе с ним. Ведь в конечном счете он намеревался стать, как и его отец, мастером «особого допроса», или пыток, и искусства эффективного отделения приговоренных душ от тел в установленном законом порядке и при помощи целого арсенала методов – от обычного *повешения* и чуть менее популярных сожжения и утопления до постыдных и весьма диковинных *потрошения* и *четвертования*.

Сегодня Майстер Генрих испытывал Франца в самой трудной, но и самой почетной из всех форм казни – *смерти от меча*, или обезглавливании. Лишь год назад отец признал сына достойным того, чтобы держать в руках нежно любимый им «меч справедливости» – гравированное, искусно изготовленное оружие весом в семь фунтов, большую часть времени занимавшее свое почетное место над очагом. Вот уже несколько месяцев как они практиковались сперва на обыкновенных тыквах и тыквах-горлянках, а после на жилистых стеблях ревеня, по своей плотности приближавшихся к человеческой шее. Первые попытки Франца были предсказуемо неуклюжими, а порой даже опасными для него самого и отца, который крепко удерживал руками стебли – точно так же, как проделывал это с *бедными грешниками*. Спустя считанные недели движения Франца обрели плавность и точность, и Майстер Генрих счел, что настала пора перейти на следующий уровень подготовки – к козам, свиньям и прочему «бездушному» скоту.

Как раз сегодня по его просьбе местный живодер отловил несколько бродячих псов и доставил обветшалые деревянные клетки палачу на дом, в самый центр города. Хозяин дома

---

¹⁵ *Collected Works of Erasmus. Volume 25: Literary and Educational Writings*, ed. J. K. Sowards (Toronto: University of Toronto Press, 1985), 305.

¹⁶ Монтень М. *Опыты*. 2-е изд. Т. 1. – М.: Наука, 1979. С. 196.

заплатил за услугу, после чего перетащил клетки на задний двор, где его уже ждал сын. Кроме отца, рядом не было никого, но Франц ощутимо нервничал. В конце концов, тыквы не двигались и даже свиньи почти не сопротивлялись. Возможно, он даже испытал нечто вроде угрызений совести, готовясь к убийству невинных животных, хотя, конечно, эпоха не располагала к такого рода нежностям¹⁷. Да и важнее всего для Франца был тот факт, что, успешно обезглавив собак, каждую – одним решительным и точным ударом, он закончит свое ученичество и с одобрения отца будет готов предстать перед миром как подмастерье палача. Майстер Генрих привычно сыграл роль ассистента – первая из собак ощутила его мертвую хватку и завывала, покуда Франц принаравливался, покрепче сжимая меч¹⁸.

---

¹⁷ Наиболее известная работа о якобы очевидном безразличии к страданиям животных до Нового времени: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.

¹⁸ Эта реконструкция основана на обобщенном опыте обучения сыновей в династиях палачей, как описано в книге Wilbertz, с. 120–131. Франц Шмидт не сообщает о том, как учился со своим отцом, в дневнике до того, как начал работать странствующим подмастерьем палача в июне 1573 года.

Опасный мир

Страх и тревога вплетены в самую ткань человеческого существования. В этом смысле они являются нитью, связующей нас сквозь века. Однако мир Генриха Шмидта и его сына Франца отличался гораздо большей личной незащищенностью, чем сочло бы приемлемым современное развитое общество. Враждебные силы природы и проявления сверхъестественного, таинственные и неумолимые эпидемии, ожесточенные и злобные люди, случайные пожары и умышленные поджоги – все это неотступно преследовало людей раннего Нового времени и в повседневной жизни, и в воображении. Возникшая в результате всеобщая атмосфера опасения за свою жизнь, быть может, и не объясняет полностью жестокость судебных институтов той эпохи, но позволяет почувствовать контекст, в котором исполнители воли этих институтов, такие как палач Шмидт, могли вызывать смешанное чувство благодарности и отвращения у своих современников¹⁹.

Хрупкость жизни бросалась в глаза с самого ее начала. На каждые три беременности приходилось по одному выкидышу или мертворождению, но, даже пройдя этот отбор, Франц Шмидт имел лишь 50-процентный шанс дожить до своего 12-летия. Кроме того, роды представляли реальный риск для матери: каждая 20-я умирала в течение семи недель после родов, что намного чаще, чем в самых бедных развивающихся странах сегодня. Первые два года жизни ребенка были наиболее опасными, так как постоянные вспышки оспы, тифа и дизентерии оказывались наиболее губительными для самых юных жертв. Большинство родителей на собственном опыте пережили смерть по крайней мере одного ребенка, а большинство детей – смерть родного брата или сестры и одного или обоих родителей²⁰.

Среди распространенных причин преждевременной смерти были бесчисленные эпидемии, выкашивающие целые города и деревни. Подавляющая часть людей, достигших 50 лет, пережила как минимум полдюжины вспышек различных смертельных инфекций. Крупные города вроде Нюрнберга и Аугсбурга могли потерять от трети до половины своего населения в течение года или двух, пока полыхала очередная тяжелая эпидемия. Наиболее устрашающей, хотя и не самой смертоносной, болезнью была чума. Вспышки чумы особенно участились в Центральной Европе как раз при жизни Франца Шмидта и происходили чаще, чем в любое иное время и в любом ином месте европейской истории с момента первой эпидемии Черной смерти середины четырнадцатого столетия. Их длительность и сила были непредсказуемы²¹. Травмирующие воспоминания и опыт выживших людей породили общий укорененный в культуре страх перед любой инфекцией, что еще больше подчеркивало хрупкость человеческой жизни и степень индивидуальной уязвимости.

Наводнения, неурожай и голод также случались с небольшими, но каждый раз непредсказуемыми интервалами. Семье Шмидтов выпало особое несчастье жить в самые тяжелые годы эпохи, известной нам как Малый ледниковый период (ок. 1400–1700 гг.), когда глобальное падение среднегодовых температур привело к затяжным суровым зимам и более прохладному и влажному лету, особенно в Северной Европе. При жизни Франца Шмидта его родная Франкония увидела куда больше снега и дождя, чем в предыдущие годы; как результат – затопленные поля и сгнившие на корню посевы. В эти годы часто не хватало теплых месяцев для созревания винограда и приходилось довольствоваться кислым вином. Урожай был так мал, что

---

¹⁹ Этот раздел вдохновлен в особенности следующим исследованием: Arthur E. Imhof, *Lost Worlds: How Our European Ancestors Coped with Everyday Life and Why Life Is So Hard Today*, trans. Thomas Robisheaux (Charlottesville, University of Virginia Press, 1996), 68–105.

²⁰ Свежий обзор по данной теме см.: C. Pfister, "Population of Late Medieval Germany," в *Germany: A New Social and Economic History*, ed. Bob Scribner and Sheila Ogilvie (New York: Harper Collins, 1995), I: 213ff.

²¹ Imhof, *Lost Worlds*, 72.

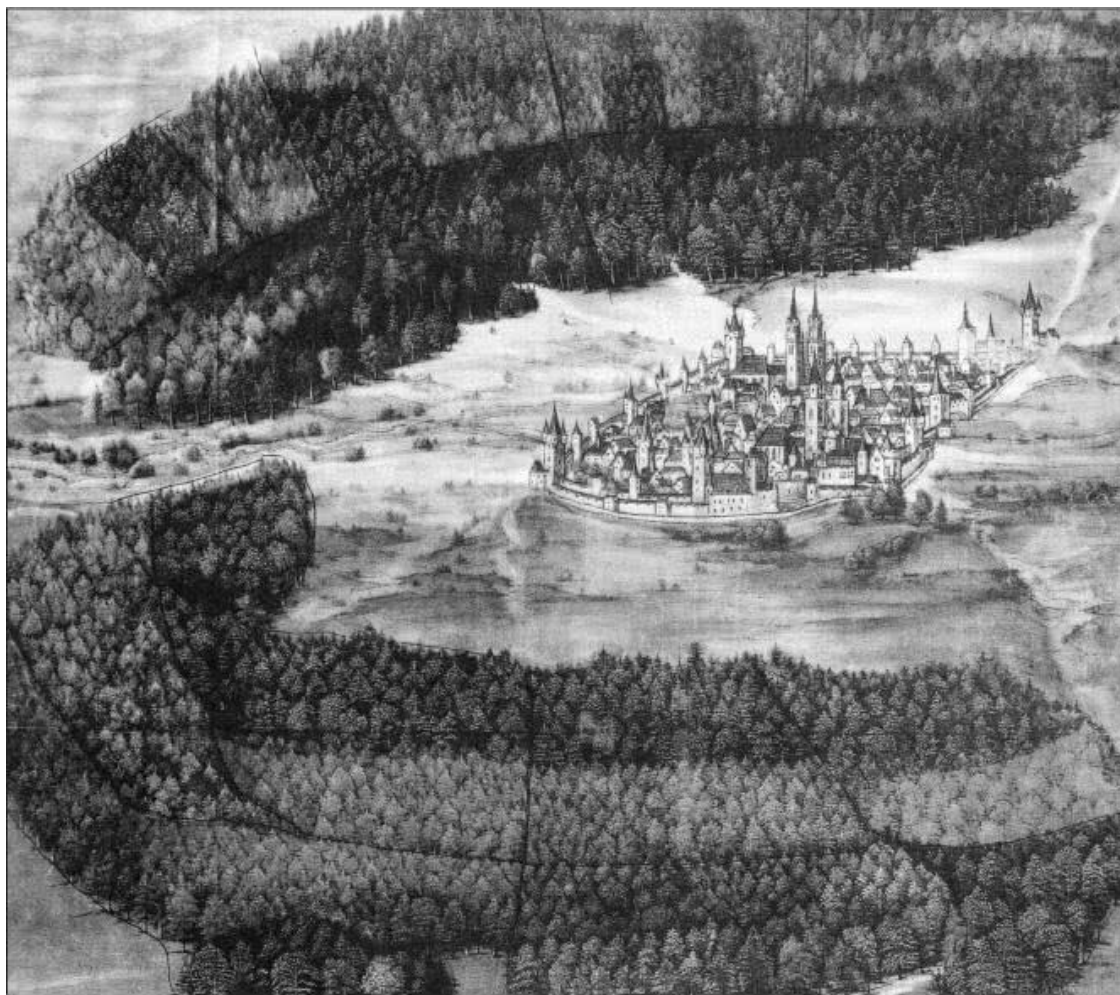
люди и скот обрекались на болезни и голодную смерть. Даже популяции диких животных резко сократились, в результате чего волчьи стаи все больше обращали свое внимание на людей как на добычу. Нехватка продуктов питания привела к обесцениванию денег, и, столкнувшись с голодом, многие бывшие законопослушные граждане занялись браконьерством и воровством, дабы прокормить себя и свои семьи²².

Пытаясь выжить под гнетом неподконтрольных им природных сил, современники Франца Шмидта были вынуждены бороться и с представителями своего вида – вездесущими разбойниками, солдатами и прочим беззаконным людом, который свободно бродил по земле. Большинство территориальных владений, включая Бамбергское княжество-епископство и имперский город Нюрнберг, состояли в основном из девственных лесов и обширных лугов, усеянных крошечными деревнями, нескольких городов в 1000–2000 человек и одной относительно крупной метрополии. Без защиты городских стен или бдительных соседей изолированный сельский дом или мельница полностью зависели от нескольких, пусть и сильных, но, как правило, плохо вооруженных людей. Ни широкие, по тем временам, тракты, ни проселочные дороги не были безопасны. Все дороги и леса в непосредственной близости от города, а также приграничные территории представляли особенную угрозу для путника. Именно здесь он мог стать жертвой разбойников и их злобных главарей, таких как Кунц Шотт, который не только избивал и грабил, но и коллекционировал отрубленные руки граждан Нюрнберга – города, который провозгласил своим личным врагом²³.

---

²² Imhof, *Lost Worlds*, 87–88. See also John Post, *The Last Great Subsistence Crisis in the Western World* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977). О Малом ледниковом периоде см.: Wolfgang Behringer, *Kulturgeschichte des Klimas. Von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung* (Munich: C. H. Beck, 2007), esp. 120–195.

²³ Thomas A. Brady, Jr., *German Histories in the Age of Reformations* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 96–97.

Этот рисунок начала XVI века не зафиксировал бедные пригороды Нюрнберга, расположенные за пределами городских стен, но вполне передает характер города как крепости, призванной защитить горожан от угроз, исходящих из окрестных лесов (1516 г.)

В действительности крупнейшее германское государство того времени, как подметил остроумно Вольтер, не было «ни священной, ни римской, ни империей». На деле ответственность за правопорядок была поделена между более чем 300 государствами – членами этой «империи», размер которых варьировал от баронского замка с прилегающей деревней до обширных территориальных княжеств, таких как курфюршество Саксония или герцогство Бавария. Около 70 «имперских городов» вроде Нюрнберга и Аугсбурга функционировали как квазиавтономные образования, в то время как некоторые аббаты и епископы, включая князя-епископа Бамбергского, долгое время обладали и светской, и церковной юрисдикцией. Ежегодное имперское представительное собрание, известное как рейхстаг, или сейм, обеспечивало общую лояльность императору и обладало символической властью на всей территории Германии, оставаясь, однако, совершенно бессильным в предотвращении или прекращении вражды и войн, которые регулярно вспыхивали между государствами-членами.

Всего за два поколения до рождения Франца Шмидта император-реформатор Максимилиан I более или менее признал насильственный хаос, который царил в его государстве, провозгласив в 1495 году «Вечное перемирие»:

Никто, независимо от его ранга, сословия или должности, не должен враждовать, воевать, грабить, похищать или осаждать другого... и при этом он не должен входить в любой город при замке, на рынок, в крепость, деревню,

селение или ферму против воли или использовать для этого силу; незаконно занимать их, угрожать поджогом или наносить какой-либо иной ущерб²⁴.

В те дни враждующие феодалы и их окружение были основными зачинщиками беспорядков, часто совершая мелкие набеги друг на друга, во время которых в пожарах гибло имущество сельских жителей. Хуже всего то, что некоторые из этих знатных людей действовали на свой страх и риск в качестве баронов-разбойников, занимаясь грабежами, похищениями людей и рэкетом (вымогательством под предлогом заботы), еще больше терроризируя сельских жителей и путешественников.

Ко времени Франца Шмидта длительная вражда между знатными семьями в значительной степени прекратилась благодаря как укреплению экономических связей в среде аристократии, так и возвышению наиболее сильных князей²⁵. Однако, консолидировав свою власть в крупных государствах, таких как герцогство Вюртемберг и курфюршество Бранденбург (позднее Пруссия), эти могущественные князья вознамерились завоевать новые территории, используя значительную часть своих доходов, чтобы собрать огромные армии наемных солдат. Эта жажда войны усиливалась тем, что возможностей найти мирную работу для простолюдина становилось все меньше и меньше в силу затяжного периода инфляции и высокой безработицы, который историки окрестили «долгим шестнадцатым веком» (ок. 1480–1620 гг.). Вместе эти политические и экономические факторы породили новую страшную угрозу личной безопасности и частной собственности – всеми презираемых ландскнехтов, или наемников.

---

²⁴ Brady, *Age of Reformation*, 97. См. также: Knapp, *Kriminalrecht*, 155–160.

²⁵ Меня убедили доводы Хиллая Зморы: *The Feud in Early Modern Germany* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011). См. также сходную работу: *State and Nobility in Early Modern Franconia, 1440–1567* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

Немецкий ландскнехт, или наемник (ок. 1550 г.)

Один из современников описывал ландскнехтов как «новый вид бездушных людей, [которые] не питают уважения к чести и справедливости, [но практикуют] разврат, прелюбодеяния, изнасилования, обжорство, пьянство... воровство, грабеж и убийства» и находятся «полностью во власти дьявола, который тащит их туда, куда ему вздумается». Под влиянием растущих территориальных притязаний правителей, а также постоянно ухудшающейся ситуации с занятостью, ряды наемников в течение XVI и XVII веков увеличились в 12 раз. Даже император Карл V (1519–1556), который в значительной степени полагался на их услуги, признавал «бесчеловечную тиранию» бродячих отрядов ландскнехтов, которых он называл «более нечестивыми и свирепыми, чем турки»²⁶. Во время военных кампаний наемники проводили большую часть своего времени, бездельничая в лагерях и периодически грабя отдаленные районы своих противников, совершая бесчисленные акты мелкомасштабного локального насилия, подобного тому, что был описан в эпизоде из романа XVII века Ганса Якоба Кристоффеля Гриммельсгауэна «Симплиссимус»:

...некоторые [из них] принялись бить скотину, варить и жарить...
другие свирепствовали во всем доме и перешарили его сверху донизу... Иные

---

²⁶ Указ от 12 августа 1522, цит. по: Monika Spicker-Beck, *Räuber, Mordbrenner, umschweifendes Gesind: Zur Kriminalität im 16. Jahrhundert* (Freiburg im Breisgau: Rombach, 1995), 25.

увязывали в большие узлы сукна, платья и всяческую рухлядь... а что не положили взять с собою, то ломали и разоряли до основания; иные кололи шпагами стога соломы и сена, как будто мало им было переколоть овец и свиней; иные вытряхивали пух из перин и совали туда сало... Иные сокрушали окна и печи... кровати, столы, стулья и скамьи они все пожгли... Напоследок побили все горшки и миски...

Со служанкой нашей в хлеву поступили таким родом, что она не могла уже оттуда выйти... А работника они связали и положили на землю, всунули ему в рот деревянную пялю да влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи... так пытали [они] бедняг, как если бы хотели сжечь ведьму...²⁷

В мирное время было не намного лучше. Будучи безработными или не получая жалованья (что тоже нередко случалось), некоторые из этих отрядов, в основном состоящих из молодых мужчин, бродили по сельской местности в поисках еды, питья и женщин (хотя и необязательно в таком порядке). Эти «дюжие нищие», к которым часто присоединялись беглые слуги и подмастерья (известные в Англии как «роннегаты»), а также должники всех мастей, изгнанные преступники и прочий сброд выживали главным образом за счет попрошайничества и мелких краж. Некоторые из них были более агрессивными, терроризируя жителей деревень и путешественников «заботливым» вымогательством, подобно баронам-разбойникам и заурядным бандитам. Различия между профессионалами и любителями грабежа и рэкета, конечно же, не имели никакого значения для их многочисленных жертв. Мы видим это на примере двух профессиональных воров, выпоротых уже взрослым Францем Шмидтом и изгнанных из города, которые, объединившись с нищенствующими наемниками, «*принудили людей на трех мельницах отдать им товары и пытали их, забрав несколько топоров и ружей*»²⁸.

Среди множества преступлений, которые сеяли разбойничьи банды и бродячие головорезы, в сердцах сельских жителей запечатлелось одно особенно страшное: поджог. В эпоху задолго до возникновения систем пожарной охраны и страхования жилья уже одно только слово «пожар» вызывало страх. Удачно брошенный факел мог обратить в руины крестьянское хозяйство или даже целую деревню, превратив зажиточных обитателей в бездомных нищих буквально за час. Простая, казалось бы, угроза поджога чьего-то дома или сарая – часто используемая как форма вымогательства – считалась равносильной самому деянию и, таким образом, подлежала такому же наказанию: быть сожженным заживо на костре. Несколько известных шаек «убийц-поджигателей» заметно преуспели, вымогая деньги у крестьян и жителей деревни под угрозой пожара²⁹. Страх перед профессиональными поджигателями в немецких деревнях был велик, но большая часть поджогов была следствием личной вражды и попыток мести, которым порой предшествовал силуэт красного петуха, нарисованный на стене, или наводящее ужас «горящее письмо», прибитое ко входной двери. Пожарная охрана в большинстве городов оставалась на уровне Средневековья, а сельские жилища и сараи были и вовсе незащищены. Только самые богатые торговцы могли позволить себе страховку, да и то обычно она распространялась лишь на движимое имущество. Пожар, стихийный или рукотворный, означал финансовый крах практически для любого домохозяйства, на которое он обрушивался.

²⁷ Гриммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус. – Л.: Наука, 1967. С. 19.

²⁸ FSJ Feb 14 1596. Более чем один из каждых трех грабителей в одном источнике XVI века определялся как ландскнехт. Spicker-Beck, *Räuber*, 68.

²⁹ См.: Bob Scribner, "The Mordbrenner Panic in Sixteenth Century Germany," in *The German Underworld: Deviants and Outcasts in German History*, ed. Richard J. Evans, (London & New York: Routledge, 1988), 29–56; Gerhard Fritz, *Eine Rotte von allerhand rauberischem Gesindt: öffentliche Sicherheit in Südwestdeutschland vom Ende des Dreissigjährigen Krieges bis zum Ende des Alten Reiches* (Ostfildern: J. Thorbecke, 2004), 469–500; and Spicker-Beck, *Räuber*, esp. 25ff.

Окруженные всеми перечисленными опасностями, люди времен Франца Шмидта страшились еще одной, не такой очевидной: бесконечного сонма призраков, фей, оборотней, демонов и других сверхъестественных существ, традиционно населявших поля и леса, дороги и очаги. Христианские церковные реформаторы всех конфессий тщетно пытались изжить эти древние суеверия, в том числе вселяя еще больший страх путем распространения идеи о сатанинских кознях, весьма действенной для своего времени. Призрак колдовства витал над людьми на протяжении всей жизни Франца Шмидта, что часто вело к реальным трагическим последствиям, которые известны нам сегодня как европейская охота на ведьм 1550–1650 годов, во время которой по меньшей мере 60 000 человек были казнены по обвинению в колдовстве.

Одинокий торговец попадает в засаду разбойников; деталь пейзажа кисти Лукаса ван Фалькенборха (ок. 1585 г.)

Где искать защиты и утешения в этой юдоли слез? Семья и друзья – привычное убежище от жестокостей мира, но здесь могли предложить лишь профилактическую помощь. Знахари, хирурги-цирюльники, аптекари и повитухи порой облегчали боль и лечили раны, но были бесполезны против серьезных заболеваний или во время родов. Услуги целителей стоили дорого, а сами они были весьма ограничены медицинскими познаниями того времени. Астрологи и прочие прорицатели могли дать некоторое успокоение, иллюзию контроля и даже предвидения судьбы, но при этом не могли защитить и самих себя от опасностей мира.

Религия продолжала служить одним из главных интеллектуальных ресурсов эпохи, предлагая объяснения бедствий, а иногда и меры их профилактики. В учениях Мартина Лютера (1483–1546) и других протестантов 1520-х годов отвергалась всякая опора на «суетные» защитные ритуалы, но в целом в них укреплялась общая вера в этический универсум, где ничего не происходит случайно. Стихийные бедствия и эпидемии обычно трактовались как признаки Божьего недовольства и даже гнева, хотя его причины не всегда были очевидны. Некоторые богословы и хронисты идентифицировали конкретное, оставшееся безнаказанным злодеяние – к примеру, инцест или детоубийство – в качестве катализатора. В других случаях коллективные страдания воспринимались более широко – как Божественный призыв к покаянию. Лютер, Жан Кальвин (1509–1564) и многие другие ранние протестанты пребывали в апокалиптическом ожидании последних дней мира и того, что скорбям его скоро придет конец. И конечно же, дьявол со своими приспешниками оставался ключевым компонентом любого объяснения всякого бедствия, начиная с того, что град вызывают ведьмы, и вплоть до историй о демонах, наделяющих разбойников сверхъестественными способностями.

Наиболее часто используемой профилактической мерой против разнообразных «ангелов смерти» была простая молитва. Веками христиане повторяли нараспев: «Избави нас, Господи, от чумы, голода и войны!»³⁰ Просительная молитва ко Христу, Марии или конкретному святому против специфической угрозы была широко распространена в течение всего XVI века, в том числе и среди протестантов, которые официально отвергали любое сверхъестественное заступничество, кроме Христова. Для многих верующих магические талисманы – драгоценные камни, кристаллы и кусочки дерева – обеспечивали дополнительную защиту от природных сил и сверхъестественных опасностей, так же как и всевозможные квазирелигиозные предметы, известные среди католиков под именем сакраменталий: святая вода, кусочки освященной гостии, медальоны с изображениями святых, освященные свечи или колокольчики, а также святые мощи – предполагаемые фрагменты костей или других частей тела святых или членов Святого семейства. Другие средства откровенно магического характера (заклинания, порошки, зелья), в том числе и запрещенные, обещали выздоровление от болезней или защиту от врагов. Учитывая, что в тех обстоятельствах утешение и поддержка выходили на первый план, мы не можем так просто отрицать эффективность подобных мер. Вера в загробную жизнь, где страдания и добродетель были бы вознаграждены, а зло наказано, определенно утешала, хотя даже самая сильная личная вера не могла предотвратить беду или помочь избежать ее.

Напуганные опасностями, угрожающими со всех сторон, Франц Шмидт и его современники отчаянно нуждались хоть в каком-то подобии стабильности и порядка. Светские власти – от императора до территориальных князей и правящих магнатов городов-государств – разделяли это стремление и были полны решимости действовать. Их патерналистские взгляды были далеки от альтруизма, по определению предполагая усиление собственной власти, но забота о безопасности и благосостоянии общества была по большей части подлинной. Усилия правителей, направленные на смягчение последствий землетрясений, наводнений, голода и эпидемий, возможно, смогли оказать жертвам какую-то помощь. Однако даже самые реши-

³⁰ Imhof, *Lost Worlds*, 4.

тельные попытки улучшить общественную гигиену имели минимальное воздействие вплоть до нашей эпохи. Например, карантин, который многие правительства вводили во время эпидемий, мог притормозить распространение инфекции, а также поспособствовать лучшей утилизации мусора и отходов, но бегство из урбанистических районов во время вспышек по-прежнему оставалось наиболее эффективной мерой для тех, кто мог себе ее позволить.

С другой стороны, охрана правопорядка предоставляла правительствам соблазнительную возможность демонстративно обуздать насилие и обеспечить жителям минимальную безопасность, что могло стать источником народной поддержки и усиления власти светских лидеров. Исходя из сказанного, становится ясно, что сограждане Франца Шмидта занимали парадоксальную позицию по отношению к насилию, которое их окружало. Как и следовало ожидать, люди смирились с его регулярным характером, с волнами непредсказуемых стихийных бедствий и болезней и постепенно привыкли рассматривать насилие, исходящее от их собратьев, с той же фатальной обреченностью. В то же время усилившееся стремление политических лидеров ограничить такое насилие – или, по крайней мере, заставить платить за него высокую цену – явно подкрепляло ожидания и надежды населения. Когда власти призывали потерпевших избегать самостоятельной расправы и обращаться в суды и к должностным лицам, они едва ли были готовы к тому потоку прошений и обвинений, который наводнил канцелярии. Диапазон запросов на государственное вмешательство варьировался от ремонта дорог и уборки мусора до обуздания агрессивных нищих и шумных беспризорников, а также включал многочисленные доносы на непокорных и кляузы о преступной деятельности соседей. Рост влияния, к которому так стремились честолюбивые правители, имел довольно высокую цену – необходимость прислушиваться к своим подданным и наглядно демонстрировать, что доверие людей к официальной власти не было ошибкой.

В этом смысле опытный палач был просто незаменимым орудием ослабления страха подданных перед незаконными нападениями, способным обеспечить толику справедливости в обществе, где до этого момента все знали, что подавляющее большинство опасных преступников никогда не будут пойманы и наказаны. Ритуальное насилие, которое палачи совершали от имени общества, преследовало несколько целей: (1) отомстить жертвам преступлений; (2) пресечь угрозы, олицетворяемые опасными преступниками; (3) дать ужасающий пример на будущее; (4) предотвратить дальнейшее насилие со стороны разъяренных родственников или толпы, вершащей самосуд. Светские правители понимали, что без тщательно организованного, зримого и жестокого утверждения палачом гражданской власти «меч справедливости» останется пустым звуком, а самопровозглашенные гаранты общественной безопасности будут считаться бесполезными. В качестве их представителя палач брал на себя проведение сомнительной операции по созданию наглядного образа восстановленной справедливости при помощи физического насилия над другим человеком или его убийства. Настоящий мастер, такой как Франц Шмидт, должен был убедить потенциальных работодателей не только в своих технических возможностях, но и в умении сохранять спокойствие и бесстрастность даже в самой гуще эмоционального напряжения. Столь непростая цель выглядела пугающей в глазах неокрепшего молодого человека, но именно к ней Майстер Генрих и его сын-ученик стремились решительно и непреклонно.

Позор отца

Относительная лояльность общества, которой наслаждались Генрих Шмидт и его семья весной 1573 года, сама по себе была явлением недавним, и никто не мог гарантировать, что так оно и будет впредь. Со времен Средневековья профессиональных палачей повсеместно осуждали как хладнокровных убийц по найму, и потому респектабельное общество не допускало их в свой круг. Большинство из этих людей были вынуждены жить за пределами городских стен или вблизи от мест и без того омерзительных, как правило около скотобойни или лепрозория. Ограничение в правах было столь же исчерпывающим: ни один палач или член его семьи не мог иметь гражданства, быть принятым в гильдию, занимать государственную должность, стать законным опекуном или свидетелем в суде или даже оформить завещание. До конца XV века эти изгои не получали официальной защиты от насилия толпы в случае неудачной казни, и некоторых из них разъяренные зрители фактически забивали камнями до смерти. В большинстве городов заплечных дел мастерам, как их чаще всего называли, было запрещено входить в церковь. Если палач хотел крестить ребенка или провести последний обряд над умирающим родственником, то он полностью зависел от милосердия местного священника, готового или неготового ступить в «нечистое» жилище. Ему также запрещали посещать бани, таверны и другие общественные заведения, а визит в дом какого-нибудь уважаемого человека был просто невозможен. Люди эпохи Франца Шмидта испытывали такой всеобъемлющий страх перед осквернением от одного только прикосновения руки палача, что уважаемые люди рисковали потерять все свои средства к существованию даже при случайном контакте. Фольклор изобилует историями о бедствиях, постигших тех, кто нарушил это древнее табу, и о красивых обреченных девах, которые предпочли смерть, нежели добивавшегося их руки палача³¹.

Источник этой глубокой тревоги кажется очевидным, учитывая отталкивающую природу заплечного ремесла. Даже сегодня прямой контакт с мертвецами несет на себе во многих культурах знак скверны. В Германии раннего Нового времени список «постыдных ремесел» включал не только палачей, но и могильщиков, кожевников и мясников³². Большинство людей, кроме того, считали палачей порочными наемниками и таким образом выводили их за рамки «приличного» общества, наравне с бродягами, проститутками, ворами, а также цыганами и евреями. Современники, как и некоторые нынешние ученые, полагали, что всякий человек этой сомнительной профессии сам должен быть преступником, хотя убедительных доказательств такой корреляции не найдено. Также предполагалось, что подобные маргинальные фигуры были непременно рождены вне брака, причем различие между «внебрачным» (*unehelich*) и «порочным» (*unehrllich*) часто игнорировалось, так что даже официальные документы могли упомянуть «палача, сына шлюхи»³³.

Неудивительно, что палачи и прочие нечестивцы стремились объединяться как в профессиональном, так и в социальном плане. Династии палачей, основанные одновременно на изо-

³¹ Angstmann, 85.

³² Среди других позорных занятий – цирюльники, нищие, дворники, кожевники, придворные слуги и стрелки, пастухи, свинопасы, чистильщики уборных, мельники, ночные сторожа, актеры, трубочисты и мытари. Nowosadtko, 12–13, 24–28.

³³ "Der Hurenson der Hencker," в 1276 Augsburg Stadtrecht. Keller, 108. Аргумент о несвободе может быть опровергнут хотя бы тем фактом, что наиболее распространенными фамилиями среди палачей были ремесленные или торговые по происхождению, в том числе Шмидт (кузнец), Шнайдер (портной) и Шрайнер (плотник). Несколько палачей, возможно, были осужденными преступниками, но, похоже, это было скорее исключением, чем правилом. Ангстман (Angstmann, с. 74–113) особенно подвержена влиянию антропологических исследований ее времени на эту тему в начале XX века, а также ее находок в сагах. Некоторые историки даже полагали, основываясь на юнгианских представлениях о сакрально-магическом дискурсе (а не исторических свидетельствах), что средневековые палачи были наследниками языческих германских священников, которые руководили ритуальными жертвоприношениями, и что последующие диффамации в их адрес были частью процесса распространения христианства. Karl von Amira, *Die Germanischen Todstrafen* (Munich, 1922); see also discussion in Nowosadtko, 21–36, and G&T, 14, 38–39.

ляции от общества и стратегических перекрестных браках, возникали по всей империи. Некоторые из этих семей носили зловещие фамилии, такие как Ляйхнам («труп»), в то время как большинство получили известность, главным образом под южнонемецкими фамилиями своих собратьев по ремеслу, такими как Бранд, Фанер, Фукс и Шварц³⁴. На протяжении поколений эти взаимосвязанные семьи выработали общие обряды инициации и другие формы корпоративной идентичности, подобные ритуалам «почетных» гильдий, например ювелиров и пекарей. Вслед за уважаемыми ремесленниками, которые отвергали их, палачи так же создавали профессиональные сети, обучали новых мастеров и стремились обеспечить заработок в этой сфере для своих сыновей.

Однако амбиции Генриха Шмидта в отношении сына были на тот момент куда больше, чем те, о которых можно было признаться кому-либо за пределами дома. Вместе они стремились снять семейное проклятие, которое низвергло их до низменного статуса палачей и нависало над их потомками. Они лелеяли дерзкую мечту о социальном восхождении, которая была практически нереализуема в их жестком сословном мире. Тайную причину падения семьи – историю, передаваемую от отца к сыну, – Майстер Франц откроет миру лишь в старости. Но в тот день, когда он занес свой меч над бездомным дрожащим псом, именно этот тайный позор с новой силой опалил его душу.

До осени 1553 года отец Франца, Генрих Шмидт, жил комфортной и респектабельной жизнью в городе Хоф, расположенном в маркграфстве Бранденбург-Кульмбах, земле франконского дворянина среднего ранга. Шмидт и его семья успешно пережили несколько лет потрясений, вызванных завоевательными амбициями их молодого маркграфа Альбрехта II Алкивиада (р. 1522), получившего прозвище Беллатор («воитель»). Во время религиозных конфликтов 1540-х и 1550-х годов Альбрехт Алкивиад, так же как некогда его афинский тезка, несколько раз сменил противоборствующие лагеря, испортив в итоге отношения как с католическими, так и с протестантскими государствами своими варварскими набегами на их территории. Агрессивность и двуличие «воителя» даже смогли объединить против него протестантские войска из Нюрнберга и Брауншвейга с войсками католических княжеств-епископств Бамберга и Вюрцбурга, что впоследствии станет известно как Вторая маркграфская война. Непреднамеренно спровоцированный Альбрехтом акт экуменизма завершился совместным вторжением врагов на его территорию и осадой многих опорных пунктов, включая и город Хоф.

---

³⁴ Самыми знаменитыми династиями палачей в Германии раннего нового времени были Бранды, Деринги, Фанеры, Фуksы, Гебхардты, Гутшлагги, Хелльригели, Хеннингсы, Кауфманы, Конрады, Кюны, Ратманы, Шванхардты и Шварцы. *G&T*, 46; also Stuart, 69.

Осуждаемый всеми Альбрехт II Алкивиад, маркграф Бранденбург-Кульмбаха, источник несчастий семьи Шмидтов из Хофа (ок. 1550 г.)

Один из наиболее укрепленных городов Альбрехта, Хоф был окружен каменными стенами высотой более трех с половиной метров и толщиной чуть менее метра. Самого маркграфа не было в городе, когда 1 августа 1553 года началась его осада, но местное ополчение, насчитывающее около 600 человек, в течение более трех недель сдерживало окружившее город 13-тысячное войско, пока не прибыло послание от Альбрехта, сообщавшее, что подкрепление уже в пути. Однако обещанное подкрепление так и не пришло, и после еще четырех недель ежедневных обстрелов, вылазок и усиливающегося голода разгромленный город капитулировал. Последовавшая оккупация была мягкой. Тем не менее завоеватели вынудили озлобленных граждан Хофа выйти и приветствовать своего господина, когда тот наконец въехал в город 12 октября в окружении 60 рыцарей. Всего за несколько недель, прошедших после его возвращения в Хоф, Альбрехт преуспел не только в разжигании враждебности по отношению к себе со стороны и без того возмущенных подданных, но и возобновил военные действия против победоносной армии, все еще располагавшейся лагерем за городскими стенами. Эта безрассудная кампания закончилась катастрофой: завоеватели нанесли второй, куда более серьезный удар по городу, а сам маркграф был вынужден бежать. Объявленный имперским преступником, он провел четыре года во Франции в роли странствующего изгнанника и умер в 1557 году в возрасте 45 лет. К тому времени большая часть земель Альбрехта была разорена, а его имя проклинали недавними подданными.

У Генриха Шмидта и его сына была особая, более глубокая и стойкая неприязнь к опальному маркграфу, нежели у других жителей Хофа. Свое начало она берет 15 октября 1553 года, спустя четыре дня после того, как Альбрехт Алкивиад вернулся в опустошенный Хоф со сво-

ими слугами. Как и другие небольшие немецкие города, Хоф не мог позволить себе штатного палача. Но, когда презираемый всеми Альбрехт арестовал троих местных оружейников за предполагаемое покушение на его жизнь, вместо того чтобы пригласить для совершения казни палача из других мест, что было обычной практикой, своенравный маркграф прибег к древнему обычаю и повелел случайному зрителю здесь же, на месте, привести приговор в исполнение. Этим человеком, на которого указал перст судьбы в лице Альбрехта, и оказался Генрих Шмидт. Будучи уважаемым гражданином Хофа, Шмидт яростно протестовал, взывая к своему правителю словами о том, что такой поступок означает позор для него и его потомков, но протесты были безрезультатны. *«Если бы [мой отец] не подчинился*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.